

не то, чтоб он мог похвалить мой лес,
так я сказал: "А как их оценить?"

"Смотря как много мы их тут нарубим,
позвольте мне их посчитать".

"Смотрите.

Но не надейтесь их заполучить".

Здесь пастбище, все ёлки тесно сбились,
и ветки в тесноте короче, но есть
немало и уединённых, пышных.

Смотря на них, он молвил: "Хороши".

А после, помолчав и став любезней,
как покупатель заявил: "Годятся!"

И я так думал; ждал, что скажет дальше.

Мы пастбищем поднялись кверху, к югу,
спустились вниз. Вдруг слышу: "Тысяча!"

"По счёту - тысяча, почём за ёлку?"

Ему хотелось сообщить помягче:

"Выходит тридцать долларов за все".

Всё стало ясно. Нет! Не вздумаю вовек
ему их уступить. Каков сюрприз!

За жалкую тридцатку обнажить
всё пастбище, за мелкие три цента!

(Так мало причиталось мне за штуку).

Три цента против доллара, что мне

дадут сейчас любые из друзей

кому ни предложу хотя бы ёлку

для украшения воскресных школ,

пусть празднуют - а ёлок хватит всем.

Есть тысяча рождественских деревьев!

Я сам не ведал о своём богатстве.

Чем сбыть их по три цента - мудрей раздать.